* * *

Жизнь по жилам текла еле-еле,
Безотрадна и нехороша.
В тёмном теле, измученном теле
Проживала живая душа.

То ли что-то оно проморгало,
То ли просто пустило в распыл,
Но светился незримо и ало
Стержневой нерастраченный пыл!

Под давленьем загнёток, заглушек,
Под навязчивым взором часов,
Под невежливый шелест старушек
Всё звучал и дичал её зов.

И когда-нибудь где-нибудь всё же
Отзовётся её естество…

И негоже судить «по одёже».
О, не стоит. Так легче всего.

* * *

Шум дождя в холодной темноте,
Тающие тени на обоях,
Телезритель, склонный к полноте
Бытия, проигранного с боем.

Оплывает каверзный уют
Бытия, изъеденного бытом.
Петухи горячие клюют…
Выдают за битого небитых…

Ведьму женят…
Новостей не счесть.
Времени стрела необратима.
Помолчим про совесть и про честь
Пасть пред купиной неопалимой.

«Шум дождя в холодной темноте» —
Это тема… это тема… те…

Вечерняя виолончель

О, утоли моя печали,
Вечерняя виолончель.
Будь монотонна лишь в начале
Всепонимающих ночей.

Среди распластанного быта,
Распавшегося бытия
Твоя пронзённая молитва,
Рыдательная лития…

Как голос медлен в небе медном,
Печали дщерь — виолончель,
Ты в сердце пламенном и бедном
Толкни заветную качель!..

Качай, и возноси, и милуй,
Запечатлей свою печать
Высокой, музыкальной силой.
И утоли мою печаль.